

**БОРИС
АКУНИН**

**КНЯЗЬ
КЛЮКВА**

Annotation

«...Но Господь судил иначе. Взял отрока робкого, в себя не верящего, ни к какому делу непригодного, за шкурку, будто котенка. Швырнул в стремнину. Можешь – плыви. Не можешь – тони...»

Начало XIII века. Русь раздроблена и слаба. Для Ингваря власть – тяжкая ноша, а долг перед подданными его небогатого княжества требует работать усердно, не зная отдыха. Вот уже и люди начали сводить концы с концами, и хрупкий мир с опасными соседями-половцами держится, и правитель наконец осмеливается поверить в скорое счастье. Но что будет, если человек, на плечо которого Ингварь вправе рассчитывать, не сможет пройти искушение властью?

В книгу вошли повести «Плевок дьявола» и «Князь Ключва», являющиеся частью проекта Бориса Акунина «История Российского государства в романах и повестях».

-
- [Борис Акунин](#)
 -
 - [Плевок дьявола](#)
 - [Агафодор](#)
 - [Святослав](#)
 - [Живка](#)
 - [Конец ознакомительного фрагмента.](#)
-

Борис Акунин

Князь Клюква. Плевок дьявола (сборник)

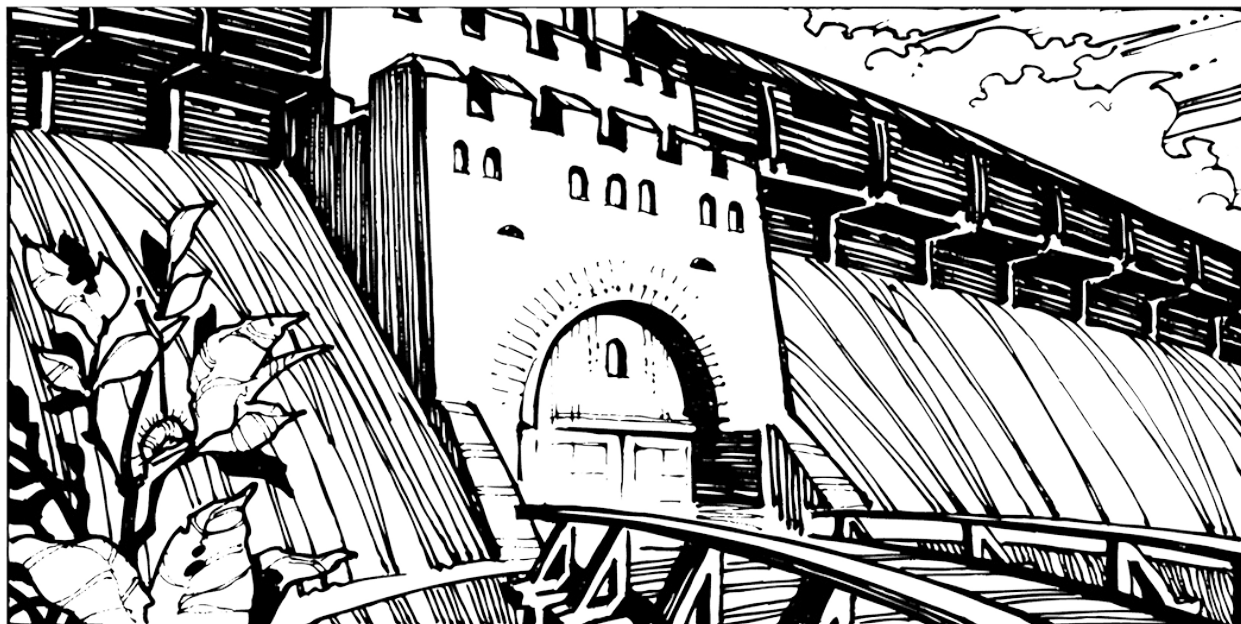
© В. Акунин, автор, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Плевок дявола
Повестъ

Агафодор

С днепровских порогов, некогда кишевших разбойниками, а ныне всего лишь досадно замедлявших путь, в столицу великого архонта Ярославоса отправили гонца, так что в Киеве императорского посла уже ждали и подготовились, как подобает. Прикрыв ладонью лоб от яркого майского солнца, Агафодор разглядел церемониальный караул – большой отряд всадников в сверкающих доспехах. Подплыли ближе – рассмотрел и парадный экипаж: повозку с парчовым балдахином, запряженную восьмеркой огромных быков. Принимающая сторона знала все тонкости протокола – в знак почтения к духовному званию посланника быки были не белой масти, а черной. Искорками вспыхивали посеребренные рога.

Убедившись, что русские приготовились как должно и ущерба ромейской чести не будет, Агафодор спустился в трюм, чтобы не торчать на палубе, не ронять престижа. Хотя до нарядной повозки по причалу надо было пройти не больше тридцати шагов, достоинство не позволяло послу преодолеть это расстояние пешком. Матросы собирали на палубе лектику, золоченый паланкин, увенчанный двуглавым византийским орлом. На лиловых шторах было выткано изображение трилистника. Цвет обозначал епископский сан Агафодора, трилистник – придворный ранг протопроедра. Поверх бархатной мантии, в знак своей двойной значительности, высокий гость повесил рядом финифтяной архиерейский крест и цепь с ярлыком

императорского посланника.

Корабль с мягким хрустом стукнулся бортом о причал, покачался, встал. Тогда Агафодор, медленный и торжественный, выплыл из недр диремы по лестнице на палубу – и насупился. Проклятые бездельники всё еще возились с носилками. Пятиться назад было неуместно. С берега епископа, конечно, уже заметили. Поэтому он остановился, торжественно осенил крестным знаменем берег, а потом сложил ладони и слегка опустил голову, как бы молясь. Веки благочестиво приопустил, но черные глаза из-под ресниц непраздно постреливали по сторонам, приглядывались. От многого чтения Агафодор с возрастом стал вблизи видеть неважно, зато даль прозирал лучше, чем в молодости. Даже усмотрел, что запряженные в повозку быки холощенные, и на миг сдвинул брови (не насмешка ли), но тут же успокоил себя: нет, просто волы покоее, да и откуда русам знать?

Облик у епископа-протопродра был величественный, а пожалуй что и прекрасный: тонкое лицо значительно, бело, неморщинисто, густые брови черны, длинная борода же, наоборот, безукоризненно седа. Чувствуя устремленные на него взгляды, Агафодор поднял очи к холму и жестом, полным сдержанного изящества, перекрестил город Киев.

Русская столица оказалась больше и пышней, чем можно было заключить из описаний. Не только возвышенность, но и вся местность вокруг нее были застроены домами, купеческими дворами, складами. В опояс холма тянулся неприступно высокий земляной вал, утыканный частоколом из таких огромных сосен, каких епископу у себя на родине видеть не доводилось. Близо друг к дружке, будто толкаясь плечами, стояли могучие башни, а одна, сдвоенная, охраняла гигантские ворота, распахнутые створки которых пылали нестерпимо ярким сиянием.

За спиной посла один вэринг из охраны сказал другому:

– Смотри, у конунга Ярицлейва ворота чистого золота. Верно говорят, что на земле нет государя богаче.

– Наши, кто служит у русов, довольны, – ответил товарищ. – Может, и нам наняться?

Агафодор знал множество языков, одарило его Провидение этим полезным даром, однако же без необходимости своих знаний не выказывал, ибо умный человек предпочитает выглядеть невежественней, чем есть на самом деле. Но тут, взволнованный и расстроенный величием русской столицы, не сдержался.

– Ворота не золотые, а медные, – сказал он, полуобернувшись, своим высоким, красивым голосом, которым, бывало, так умирительно выводил с амвона «Трисвятое песнопение» или «Песнь херувимскую». – Не всё

золото, что блестит, дети мои.

Вэринги – косматые, увешанные оружием, каждый вдвое шире худощавого епископа – захлопали поросячьими ресницами. Агафодор мысленно обругал себя: разболтают остальным, и теперь охрана будет таиться. Не узнаешь, что у дикарей на уме. Еще вправду перейдут на службу к русским – сраму не оберешься.

Лектика наконец была готова. Слуги, почтительно придерживая посла под локти, усадили его на мягкие подушки. Паланкин, слегка качнувшись, вознесся вверх. Поплыл по трапу на пристань.

Раздвинув занавески, Агафодор благословил собравшихся на берегу

зевак. Их, увы, было не столь много. Скверный знак. Прибытие имперского посольства для киевлян не бог весть какое событие?

Зато все собравшиеся закрестились в ответ, а многие и поклонились. Согласно донесениям русского клира, в славянских лесах еще полным-полно язычников, однако же столичные жители, кажется, сплошь христиане. Отрадно.

Возле экипажа, позади которого стройной шеренгой выстроился почетный караул кольчужных конников (молодец к молодцу – не хуже кесаревых схолариев), стояли двое: один седой, клинобородый, в рясе, с посохом, другой средних лет, одетый по константинопольскому придворному этикету, но с бритым подбородком – значит, рус. Первый, должно быть, хорепископос Еразм, временный блюститель киевской кафедры. Второй – чиновник, ведающий приемом послов. На него-то Агафодор и воззрился со всем возможным вниманием. Тут очень важно, какого ранга служителю встречает и как себя поведет. По этому можно определить, насколько расположен архонт Ярославос к гостю, а стало быть, успешной ли будет непростая миссия.

Официальной причиной посольства было извещение о смерти императрицы Зои и объявление, что отныне базилевс Константин Мономах становится автократом, то есть будет править империей единолично. На самом же деле опытного дипломата отправили в Киев с трудным заданием отговорить великого архонта от притязаний на автокефальность. Главу своей церкви, митрополита киевского, русы всегда получали из Константинополя, по воле патриарха. Однако после того, как в прошлом году умер киевский предстоятель Феопемпт, Ярославос заявил, что русские епископы отныне желают выбирать митрополита сами. Попросту отказать было нельзя. Обойдутся без позволения, и ничего с этим не поделаешь. Однако и согласиться в нынешних обстоятельствах невозможно. Это станет тяжким ударом по авторитету патриархии, которая ныне и без того переживает ужасные времена. Вот-вот оформится окончательный разрыв с папским престолом, Христова церковь расколется на восточную и западную. Выход богатой и сильной русской державы из константинопольского управления вызовет в стане римских раскольников ликование. Поди, немедля пришлют посольство звать русов под эгиду Святейшего Престола. Посулят и автономию, и прочие привилегии. Ярославосу что? Земные потентаты в тонкости церковных споров не вникают. На чем творить евхаристию – на облатках или опресноках, да как именно чтить Деву Марию, да из чаши ли причащаться, это киевскому князю, пожалуй, все равно. Ради того, чтобы заполнить такой куш,

римские схизматики разрешат служить в здешних церквах не на латыни, а на славянском. И глава здешней церкви может счесть, что зваться кардиналом не хуже, чем митрополитом...

В прежние времена базилевс мог бы пригрозить Киеву прекращением торговли, а то и военными карами. Но те времена, увы, миновали. Русы теперь возят товары на Запад и на Восток не только через Константинополь, но и напрямую. А лишаться русского импорта – себе дороже. Всякий мало-мальски зажиточный европеец непременно носит меха, иначе зазорно. Все соболя и куницы, основная часть бобров идут из владений Ярославова. Отказаться от барышей, которые дает перепродажа пушного товара венецианцам, – разорение для константинопольского рынка. Еще важнее русский воск. Без свечей померкнет свет в богатых домах, угаснет божественное сияние церквей, погрузятся во мрак монастыри.

И военной силы, чтобы приструнить непокорных, тоже нет. За четверть века, миновавшие после смерти Василия Великого, империя пришла в упадок. Бунты, позорные скандалы, казнокрадство, неурожаи истощили былую мощь Византии. Попробуй-ка, потолкуй с Киевом на языке ультиматумов. Пожалуй, заявятся под самые стены Константинополя, как семь лет назад. Тогда, благодарение Всевышнему, морская буря выручила, и флот еще не весь сгнил. А ныне? Боевые корабли вышли из годности, солдаты от безденежья разбрелись... Эх, великая империя, куда катишься?

Нет больше свирепых пачинаки-печенегов, которых всегда можно было натравить на русов. Ярославос нанес им такое сокрушительное поражение, что степные орды разбежались кто на закат, кто на восход. Целый век, или даже больше, черной тучей нависали кочевники над киевскими рубежами – и сгнули. Днепровские пороги свободны, пограничные крепости русов стоят пустые, войску занять себя нечем. Очень нехорошо это, когда у соседа большое войско, которому нечем себя занять. Нет, пугать великого архонта применением силы было никак нельзя.

Однако, когда с оппонентом не получается говорить языком грозным, есть способ почти столь же действенный – язык выгоды.

Посол прибыл не с пустыми руками. Было у него в запасе средство, с помощью которого можно было убедить князя отказаться от пагубного решения. У преосвященного Агафодора в широком рукаве черной рясы был припрятан хороший козырь.

Один раз, тому шестьдесят с лишним лет, точно такой же трюк превосходно сработал. Тогдашний русский архонт Владимиро согласился

обратить своих подданных в византийскую веру, если ему дадут в жены императорскую дочь.

Что ж, пусть у Константина Мономаха казна пуста, а войско малочисленно, зато тоже есть дочь на выданье, царица Мария. А у архонта Ярославоса недавно, в феврале, скончалась супруга. Он, правда, стар, но разве это помеха выгодному браку? Превняя жена была варварского скандинавского племени, дикарка. Великому государю такой союз стыден. То ли дело византийская принцесса!

У Ярославоса, конечно же, от одного только намека слюни потекут. И тут можно будет твердо сказать: «Хочешь стать зятем базилевса – сохрани верность византийскому патриарху».

От родства с киевским престолом империя обретет не только религиозную, но и политическую выгоду. Превне русское царство существовало в тени великого Константинополя, зависело от него хозяйственно и церковно, приглашало из Византии учителей и клириков, мастеров и зодчих, трепетало от одной мысли, что торговля с империей может остановиться. Но Ярославос не пожелал оставаться ромейским полуассалом, он стал смотреть в иную сторону – на запад. Там имелись и другие державы. Год от года они все напористей теснили Византию.

Трех старших сыновей архонт женил на европейских принцессах, трех дочерей выдал за европейских государей – норвежского, венгерского и франкского. Превне Русь считалась частью ромейского мира, но эти времена закончились.

Бракосочетание русского монарха с дочерью базилевса вернет все на свои места. Киев вновь оборотит лик к югу, крепкий союз восстановится, римские и германские козни рассыплются в пыль. И, может быть, удастся выпросить у Ярославоса войско, чтобы отогнать от византийских границ обнаглевших сельджуков...

Все эти мысли пронеслись в голове многоумного епископа в несколько мгновений, пока русский чиновник и хорепископос шли навстречу паланкину.

Поклон славянина (а может быть, вэринга – у киевлян не всегда разберешь) был низок, почтителен. Немного отлегло от сердца: так не встречают тех, кому желают продемонстрировать пренебрежение. Длинное, превосходно составленное приветствие на греческом языке, со всеми приличествующими торжественному событию учтивыми оборотами, было безупречно.

Однако когда чиновник назвался – драгуманос Благомудр, – гладкое

чело посланника омрачилось. Как, всего лишь переводчик? Не ближний боярин? Даже не нарочитый муж? Плохой знак, плохой...

И на стандартную просьбу о благословении константинопольский гость ответил сухо:

– Не могу, сын мой. У тебя языческое имя.

– Есть и крестильное – Телесфор, – не стушевался драгуманос. – У нас такой обычай, преосвященный: в повседневности зовемся обычным именем, а христианское бережем для важных случаев. Великий князь говорит: «Пока я жив, я Ярослав Владимирович, а как скончаюсь – стану Георгий. Так и на гробе моем напишите».

– В том и беда, что многие вспоминают о своем христианстве лишь перед встречей с Всевышним, – вздохнул епископ и истово, от души перекрестился. – Но я возношу Господу моления, чтобы архонт как можно дольше оставался Ярославом... Здоров ли светлый государь?

Предписанную протоколом фразу он произнес с нажимом, давая понять, что вопрос задан не для проформы. Сам так и впился глазами в лицо чиновника. Ярославосу семьдесят лет, глубокий старец. Если нездоров или, не дай Боже, готовится лечь в гроб, всем хитроумным планам конец.

Но Богомудр ответил легко и весело:

– Государь здоров. Давеча был на соколиной охоте. Здоров ли август? Про кончину августы Зои нам уж известно. Какая утрата.

И лицом изобразил столь сложную мозаику, что самый искусный ромейский царедворец позавидовал бы: приличная скорбь и в то же время поздравление.

Значит, русы отлично осведомлены о константинопольских дворцовых делах и их тайной подоплеке. Это Агафодора не порадовало.

– Зачем такой многочисленный караул? – перевел он разговор. – В Киеве беспокойно?

– Спокойней спокойного, – уверил чиновник. – Государь повелел оказать драгоценному гостю сугубое почтение. При «сугубом почтении» полагается сопровождение в сотню конных дружинников, по-вашему – гвардейцев. У великого князя дружина большая, десять тысяч латных воинов. Я слышал, августосу Константину хватает пяти?

«И тех уже нет», – подумал Агафодор, глядя на почтительно-лукавую физиономию русского драгуманоса. Но не подобало императорскому послу состязаться в мелком пикировании с обычным переводчиком.

– Едем, – повелительно молвил он и отвернулся от чиновника. Местоблюстителя же, сердечно облобызав, пригласил сесть с собой в

парадный экипаж, запряженный черными волами.

Хорепископос Еразм, греческий поп незнатного рода, много лет назад посланный служить в далекую северную страну, не имел никакой важности, однако Агафодор рассчитывал по дороге получить от соотечественника полезные сведения.

Сдвинув шторы, чтобы драгуманос не лез с этикетными любезностями, посол откинулся назад, на ковры, и уже безо всякой сердечности, а строго и требовательно велел:

– Рассказывай главное.

До города рукой подать, путь будет коротким. Терять время на пустые разговоры нельзя.

Еразм хорошо понимал, кто он по сравнению с Агафодором, птицей высокого полета, и потому сидел на краешке сиденья вполоборота, скромно. Хоть и был местоблюстителем большой, на семь епархий, митрополии, однако ж знал: возвышение его временное, и киевским предстоятелем ни при каком сочетании светил ему не быть.

– Скажи, что главное, преосвященный, и я отвечу.

Агафодор раздраженно фыркнул:

– Хорош местоблюститель! Еще спрашиваешь! Что остальные шестеро архиереев? Крепко ли стоят за патриархию? Ведь четверо из них – греки.

– Как и я, господин, – смиренно молвил Еразм. – Но прежде всего каждый из нас пастырь. Тебе ведом обет: будь верен Господу, а после Него своей пастве. Наша паства русская, и мы тоже стали русскими. Что хорошо для Руси, хорошо и для нас. А Русь ныне сама хочет решать, кто окормляет ее церковь.

Глаза константинопольца подозрительно сощурились:

– Уж не тебя ли наметил в митрополиты архонт, коль ты ведешь такие речи?

– Не меня, – всё так же тихо ответил Еразм. – Киевским епископом, а равно и предстоятелем великий князь желает поставить пресвитера Иллариона, родом славянина. Это муж весьма благочестивый и ученый. Читатель книг, аскет. Он прежде жил в пещере, удалясь от мира, но Ярослав велел святому старцу быть при дворе. Это будет достойный патриарх, поверь мне.

– Не будет, поверь мне! – раздраженно передразнил Агафодор. – Рус – митрополитом? Святейший патриарх никогда не согласится!

– На то воля святейшего патриарха. А только, если позволишь высказать мое скромное суждение, господин, лучше бы не перечить

великому князю. Иначе он уведет свой народ и церковь к латинянам, и будет Русь молиться Всевышнему криво, от чего погибнет много живых душ...

Посол молчал, хмуро глядя на величественные ворота, к которым приближался длинный кортеж.

Они, конечно же, подражали знаменитым Золотым воротам византийской столицы, но высокая двойная башня была сложена не из грубого камня, а из розового кирпича, и на медных листах, покрывавших всю поверхность створок, не облезла позолота. Константинопольские этак не сверкали. Их уместнее было бы назвать «зелеными» – бывшее великолепие давно потускнело, окислилось.

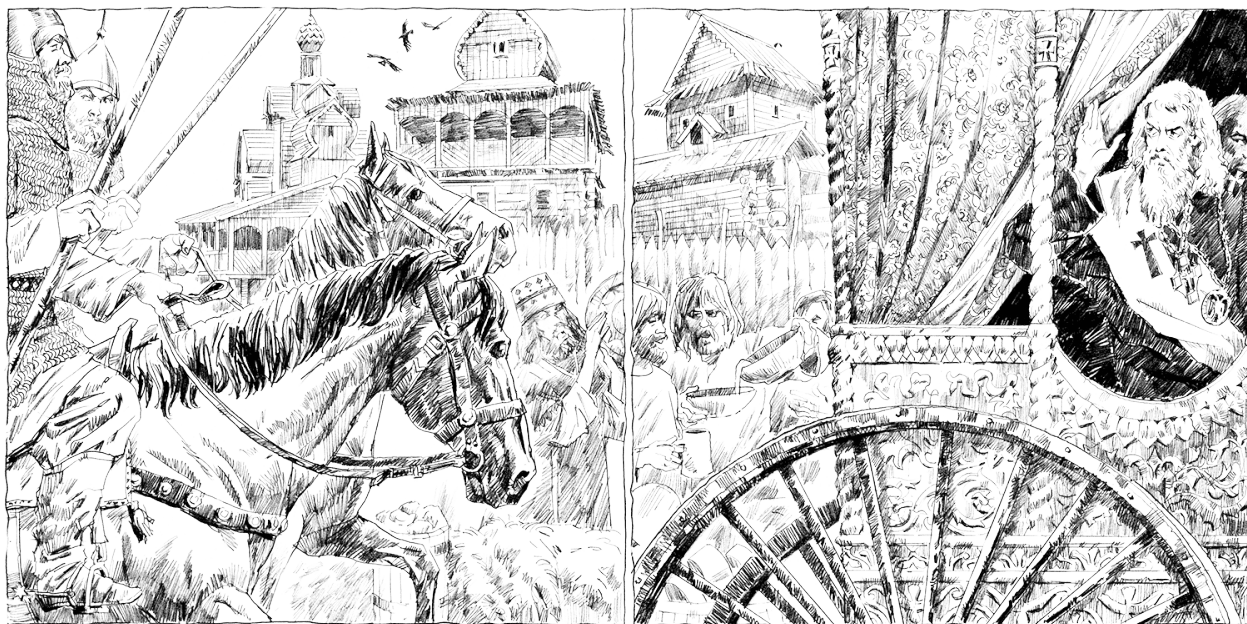
Под высоким сводом загрохотало эхо. Ненадолго сделалось темно. Протопроедр отодвинул занавеску, но экипаж уже выехал на городскую улицу, и Агафодор на минуту ослеп от яркого солнца.

Копыта волов сочно постукивали, колеса повозки погромыхивали железными ободами. Улица оказалась мощенной – не камнем, как в Константинополе, а широкими дубовыми досками, ехать по которым было приятно. Дубовыми были и высокие тротуары.

Это произвело на посла впечатление. Какое расточительство! Дерево, в особенности дуб, в ромейской столице было много дороже камня.

Разговор прервался. Агафодор смотрел по сторонам, желая составить впечатление о городе, про который говорили, что он тщится соперничать со Вторым Римом, а Первый уже и превзошел.

На Константинополь, если не считать Золотых ворот, Киев был совсем не похож. Во-первых, сплошь деревянный. Во-вторых, много чище. В воздухе не ощутимо зловоние, которым насквозь пропитан воздух константинопольских торговых предместий, хотя расположенный близ стены квартал тоже был коммерческим: по обе стороны тянулись товарные склады, амбары, купеческие конторы. Вскоре показалась и рыночная площадь.

Посол быстро поворачивал голову, чтобы ничего не упустить.

Константинопольский базар обилен и многообразен, но киевский был не беднее. Правда, отсутствовали венецианцы и куцеватым выглядел арабский ряд, зато немцев было много больше, а краснобородые закаспийские купцы, торговавшие здесь цветными кожами, шелками и узорчатой конской сбруей, до империи из-за сельджукской угрозы вовсе не добирались. Многочисленнее всего были греки, низко кланявшиеся посланнику базилевса. Благословляя соотечественников, Агафодор наскоро оглядывал их товары. Ткани, сушеные фрукты, свитки пергамента, чернила, стеклянная посуда, амфоры с вином и маслом – всё лучшего качества, а не бросовое, что возят дикарям, не умеющим отличить дорогое от дешевого.

– Константинопольский рынок вдвое, если не втрое шире, – с удовлетворением заметил посланник. – Киеву пока далеко до нашей столицы.

– Здесь торгуют только иноземцы, – прошелестел тихий хор епископос. – А всего рынков в городе семь. И каждый больше этого...

На это Агафодор ничего не сказал. Он смотрел уже не на торговцев, а на обычных людей. По уличной толпе лучше всего видно, какова жизнь в городе.

Лица у прохожих были такие же дерзкие, как у константинопольской черни. На важного грека и его пышную повозку киевляне глазели без робости и без особенного любопытства. Поди, чуть что – бунтуют, подумал Агафодор, но сам себе возразил: бунтуют от голода, а у этих больно сытые рожи. И оборванцев почти не видно.

Ах, хороший город. Очень хороший.

И возникла мысль, захватывающе интересная: вот бы самому сделаться русским митрополитом...

После торговой площади начались жилые кварталы. Чем ближе к центру, тем больше и наряднее становились дома. Дворы побогаче были обнесены частоколом, так что самого дома не разглядишь, но над заборами возвышались горбатые крыши с башенками, шпилями, затейливыми флюгерами. А затем появились и каменные постройки ромейского стиля – некоторые даже с колоннами. Агафодору они понравились меньше деревянных теремов.

– Сейчас ты узришь Святую Софию, новый кафедральный собор, – торжественно предупредил Еразм, показывая на угол площади, к которой приближалась процессия.

Золотые купола главного киевского храма посол видел еще издали, от подножия холма; время от времени они выныривали и в просветах между домами. Наконец представилась возможность посмотреть на митрополичью церковь вблизи.

Недурна, но до нашей Софии ей далеко, подумал Агафодор – впрочем, без удовлетворения. Если получится стать русским предстоятелем, то *нашей* будет эта София, а не константинопольская.

Новая мысль занимала епископа всё сильнее. Митрополит киевский? Почему бы и нет? Нужно всего лишь понравиться архонту – убедить его, что с таким главой церкви он отлично поладит. А патриарх только обрадуется: в Киеве сядет человек надежный, из своих.

И русская столица протопроэдру сразу же стала очень нравиться. Город, конечно, лишен истинного величия, слишком пускает пыль в глаза своим свежееобретенным богатством, но чувствуются мощь, размах, а главное – *будущее*. Не то что в Константинополе, который всё больше напоминает роскошный, но обветшавший некрополь.

Захваченный соблазнительной идеей, Агафодор не сразу заметил, что кортеж постепенно удаляется от центра. Дома вновь стали не каменными, а деревянными, ограды сделались ниже, потом вовсе исчезли.

Наконец, удивленно уставившись на глинобитные лачуги, до половины утопленные в земле, посол спросил:

– Куда мы едем? Где дворец архонта? На противоположном конце города?

– Нет, господин, городской дворец остался в стороне. Мы следуем к воротам Святого Михаила, откуда идет дорога на Вышгород. Это замок в пятнадцати милях к северу. Великий князь живет в Вышгороде, а в Киеве

бывает наездами.

«Почему же мы не отправились в резиденцию сразу?» – хотел спросить Агафодор, но не стал. И так ясно. Русы хотели произвести впечатление на византийского посла, явив ему пышность стольного града. И им это удалось...

– Потому тебя на пристани встретил провожатый, а не сам великий князь либо его полномочный представитель, – прибавил хорепископос. Глупцу следовало бы предупредить о столь важной вещи с самого начала – протопроэдр не стал бы выказывать драгуманосу неудовольствия.

А впрочем, предупредить об этом должен был переводчик, тут же подумал Агафодор – и усмехнулся. Тонкости дипломатической игры он знал в доскональности. Хотят выбить посла из равновесия: заставить усомниться в своей значимости, дабы не заносился, а уж после принять честь по чести. Молодцы, ловко.

– Так ко мне выедет сам великий архонт? – спросил он, ободрившись.

– Не мне то знать, – отвечал скучноумный местоблюститель.

Проку от него было немного, и Агафодор замолчал, решив, что чем тратить время на разговоры, лучше подготовиться к встрече, от которой, возможно, будет зависеть вся жизнь. Очаровать и обаять государя русов при первом же свидании – вот что главное. Этим искусством опытный царедворец, знаток человеческих душ, владел в совершенстве.

Часа через три неспешной езды по гладкой дороге, вдоль широкой, живописной реки, хорепископос нарушил затянувшееся молчание.

– Вон Вышгород, господин, – показал монах на темневший вдали холм.

Смотреть нужно было против солнца, и Агафодор разглядел лишь тесно скученные крыши, верхушки башен, золотые полушария церковных куполов.

«Это разумно – устроить резиденцию вблизи от столицы, а всё же не рядом, – подумал он. – Базилевсу следовало бы сделать то же самое, и мятежи городской черни так не сотрясали бы престол. Охлос ленив и быстро остывает. Пока толпа доберется до загородного дворца, она сильно поредеет, а монарх успеет как следует укрепиться. Не зря Ярославоса прозвали мудрым».

– Смотри, преосвященный, вот и встречающие, – тронул его за рукав Еразм.

Встрепенувшись, посол перевел взгляд ниже.

У подножия холма был разбит узорчатый шатер, около которого

толпились люди и были привязаны лошади. Там происходило движение.

Вот кто-то в длинном алом плаще первым сел в седло. За ним длинной вереницей выстроились остальные всадники.

Процессия медленно, торжественно тронулась навстречу посольскому кортежу.

К повозке подъехал переводчик, громогласно объявил:

– В знак почтения к великому августу тебя встречает пресветлый князь!

Агафодор приосанился, расправил складки парадного облачения, поправил на груди крест и золотую цепь.

– Спустите меня! – приказал он.

По протоколу государя полагалось приветствовать, стоя на земле.

Слуги приняли епископа под руки, помогли сойти на проворно расстеленный ковер.

– Князь сидит в седле, как молодой, – сказал Агафодор драгуманосу, глядя на приближающуюся процессию.

Благомудр засмеялся, очень чем-то довольный.

– Он и есть молодой. «Пресветлым князем» называют Святослава Ярославича, государева сына.

Хоть протопродр очень хорошо умел управлять своим лицом, но здесь за бровями и ртом не уследил: брови поползли кверху, губы – книзу. Из-за принца он, посланник кесаря, спешиваться бы не стал! Какой урон для достоинства империи!

Переводчик невинно осведомился:

– Не думал же ты, господин, что сам великий князь в свои семьдесят лет выедет тебя встречать?

Лезть обратно в экипаж было глупо. Агафодор поступил иначе – сделал вид, что сошел на землю, дабы помолиться. Пусть принц подождет, пока божий человек взывает к Тому, Кто превыше земных владык.

Преклонил колени на ковре, трижды поклонился большим поклоном, принялся нараспев благодарить Всевышнего за благополучное окончание долгого путешествия. Сам поглядывал искоса – что «пресветлый князь».

Принц, подъехав, с минуту подождал в седле. Потом спрыгнул, подошел к переводчику. Тот, поклонившись рукой до земли, зашептал-заговорковал. Докладывал.

Сын великого архонта был высок и статен, с подкрученными светлыми усами и, как все русы, без бороды. На голове, несмотря на теплый день, малиновая шапка с собольей опушкой. Из-под скарлатного плаща виднелась лазоревая шелковая рубаха, а сапоги были зеленые, арабской

кожи. Такой павлин и в Константинополе считался бы щеголем.

Поскольку Агафодор всем видом показывал, что всецело поглощен беседой с Богом, пришлось и хорепископосу преклонить колена.

Одним дыханием посол спросил:

– Что знаешь про принца?

– Христианское имя Никола. Лет ему двадцать три. Женат на немецкой принцессе. У Ярослава он по старшинству третий.

– Третий?! – Посол скрипнул зубами. Это даже не наследник престола?! Какое неуважение! Ну, ты у меня подождешь, пресветлый князь.

– Да. Старший княжич Владимир – наместник в Новгороде. Второй, Изяслав, – в Турове. Святослав же и прочие сыновья состоят при отце. Своих областей в управление они пока не получили.

Выходило, что из живущих в Вышгороде принцев этот все-таки старший. Значит, обижаться не на что.

Протопроэдр был наделен полезным для придворного талантом – умел говорить и слушать одновременно, а слухом обладал наиострейшим.

Голос у князя был громче, чем у переводчика, и, когда Никола-Святослав говорил, Агафодор улавливал каждое слово.

– Прислали что из Цареграда? – спросил молодой человек.

Благомудр что-то прошелестел.

– Дай.

Взял у драгуманоса малый пергаментный свиток, развернул, стал читать.

Русский язык посол понимал хорошо, потому что в свое время служил при орхидском архиепископе, предстоятеле болгарской церкви. Два славянских наречия были очень похожи.

Что за свиток из Царьграда? Не иначе донесение от секретного агента. Дешу передал драгуманосу кто-то из посольской свиты. Удивляться нечему, так устроен мир: все друг за другом шпионят. Но хорошо бы вызнать, кто из слуг или секретарей подкуплен. И главное – что там, в письме?

Решив потомить третьего сына ожиданием, епископ громко затянул самый длинный из псалмов: «Блаженны непорочные в пути».

Но князь удивил грека.

Раздались легкие, но уверенные шаги, и принц Никола опустился на колени прямо перед священнослужителями. Верным, звонким голосом пропел, перескочив в самый конец псалма: «Заблудился, как овца потерянная: взыщи раба Твоего, ибо я заповедей Твоих не забыл».

После чего объявил:

– Аминь!

Лицо у Николы было пригожее: нос прямой, брови будто два лука, а глаза дерзкие, веселые. Пахло от принца духами и мальвазеей – должно быть, вволю наугощался, дожидаясь византийского посла.

– Приветствую тебя, благородный Агафодор, от имени великого князя и от своего собственного, – складно и чисто заговорил князь по-гречески. – Отец поручил мне опекать и услаждать твое преосвященство, чтобы пребывание в Вышгороде было тебе приятным. Как услаждают черноризцев, я не ведаю, но приложу все старания. Хочу стать твоим другом.

– То будет для меня великая честь, – учтиво ответил посол, внимательно глядя на бойкого молодого человека.

– Тогда давай встанем. Что ж коленки мозолить?

Никола поднялся сам и помог распрямиться гостю.

«Ишь тёртый какой, – думал Агафодор. – А ведь двадцать три года всего... Впрочем, принцы обретают зрелость рано».

Он уже определил, что с этим весельчаком следует держаться просто и без чванства. Если в самом деле удастся с ним близко сойтись, дружба может оказаться очень и очень полезной.

– Прекрасный принц, – сказал посол с добродушной улыбкой, – я хоть и монах, но радостей жизни не чуждаюсь. Ныне не пост, так что буду рад и вину, и яствам, и дозволенным увеселениям.

– Для меня что увеселительно, то и дозволено. – Князь засмеялся, сверкнув белыми зубами. – Потешу по-нашему, по-вышгородски. А ты уж сам решай, какие развлечения тебе позволительны, а какие нет.

Святослав

Молодой князь провел минувшую ночь весело – как, впрочем, проводил все ночи своей веселой жизни. Ёшка-хазарин, что привозит из Итиля мягкие, как перчатки, арабские сапоги, пряные ароматы, вяленые дыни, серебряного шитья наряды и многое иное, от чего сладостней живется, потешил своего постоянного покупателя – подарил персидскую девку особенной выучки. Ох хороша, ох затейна! Собою кругла, голос колокольчиком, кожа благоухает, перси – два шелома золоченых, и в постельном деле искусница.

Что ж себя не потешить? С вечера Святослав, как положено, к законной супруге в спальню наведалься, свой мужеский и княжеский долг честно исполнил, постарался ради произведения потомства. А всю ночь со скучной дурой проводить незачем. Свою жену, немкиню Цецилию, он пренебрежительно звал Цыцкой. Полгода уже в Киеве, а ни единому слову по-русски не выучилась, всё «ме» да «ме», овца саксонская. Зато она – племянница германского императора Генриха, который собственной волей назначает и низлагает римских папстов. Государь потому и поручил своему третьему сыну принять греческого посла – тот, когда узнает, на ком женат Святослав, намек поймет.

Подоплека дела, за которым прибыл из Царьграда сей Агафодор, была хорошо известна, а свой человек, наблюдающий за кесаревым двором,

еще и письмецо прислал. Пока ромейский епископ молился, святость выказывал, Святослав то письмо прочитал, усмехнулся.

Ах батюшка, мудрая голова! Даже про заманку с царевной угадал – что непременно захочет император Константин посулить свежему вдовцу в жены свою дочь, ибо никаких других богатств у владельца разоренной державы нет. Во всяком трудном случае греки сверяются со старыми хрониками, а там у них написано, что за руку византийской царевны «киевские архонты» готовы хоть душу продать.

«Стар я сызнова жениться, – сказал Ярослав. – Да и много Константину чести будет. Отец мой худее и беднее меня был, в деревянном тереме жил, а царевну взял багрянородную, в кесарском дворце рожденную. Не пристало мне, господину всей русской земли, брать в жены девку низкородную, прихотью судьбы вознесенную вместе со своим прощельгой-родителем. А коли цареградцы завтра опять забунтуют и Константину этому, как прежнему царю Михаилу, глаза выколют? Кто она тогда будет, эта Марья-царевна? Нет уж. Не пара она мне. За Всеволода пускай идет. Ему двадцать лет, пора женить».

Святослав позволил себе усомниться – отец разрешал княжичам с ним спорить, поощрял в них остроумие:

«Чтоб базилевс отдал царевну за четвертого сына? Не согласятся на это греки».

«Для того и приставляю тебя к послу. Потом его, сбей спесь, поводи на узде по кругу, а после, когда взмылится, оседлай. Ты умеешь. Ко мне его допустишь, когда созреет».

Задание Святославу было по сердцу. И греческий поп князю тоже понравился. Глаз у царьградского гостя острый, разговор увлекательный.

К замку они ехали бок о бок – Святослав на коне, рядом с возком – и вели беседу.

Для начала князь с видимой почтительностью, но внутренне веселясь, сказал про новопреставленную императрицу Зою, известную на весь христианский мир своими непотребствами:

– Какое злосчастье для вашего государя лишиться столь мудрой и благочестивой соправительницы.

Ждал услышать в ответ что-нибудь постное и велеречивое, но преосвященный Агафодор удивил.

– Про благочестивость покойницы я поведаю твоему великому отцу на аудиенции, а коли мы с тобой, принц Никола, друзья, то позволь говорить попросту, по-дружески. – И лукаво улыбнулся. – Я знал императрицу много лет. О, такие женщины рождаются на свет нечасто! Без нее жизнь в

Константинополе сделалась скучна. Хочешь, я расскажу тебе, какой была Зоя Багрянородная?

И рассказал.

— Всю жизнь ею владели две сильных страсти, две мечты: одна, казалось бы, невозможная, другая, казалось бы, легко осуществимая. Зоя желала, во-первых, быть вечно красивой, никогда не стареть. А во-вторых, стать матерью. Неисповедимый Промысел Божий удовлетворил грёзу о небывалом и отверг чаяние, которое осуществляют каждый день тысячи женщин. До конца своих дней Зоя оставалась молодой и ослепительно прекрасной. Злые языки утверждали, что это чудо свершилось не волшебным образом, а благодаря мазиям, притираниям, мудреным минеральным ваннам и прочим ухищрениям, которым Зоя посвящала большую часть дня. Это правда, что она никогда не выходила на солнце, оберегая белизну кожи, и поддерживала в своих покоях особенную теплую влажность, при которой не образуется морщин. Но мало ли на свете принцесс или патрицианок, которые прилагают не меньше усилия для сохранения красы? Кому из них удалось в семьдесят лет выглядеть, как в тридцать? А императрица, когда я видел ее в последний раз, была так же лучезарна, как в правление ее отца Константина Восьмого, когда я впервые попал ко двору. Зоя действительно сумела обмануть время, что мало кому удается. Но совершить дело самое легкое и обыденное — родить ребенка она так и не смогла.

Это неудивительно, если учесть, что впервые ее выдали замуж пятидесятилетней. Ты улыбаешься, благородный Никола? Напрасно. Порфирородная царица подобна редчайшей жемчужине. Многие, подобно твоему деду, великому архонту Владимиру-Василию, мечтают возвыситься, обретя такую жену. Но Константинополь переборчив, и мало кто из женихов считается достойным такого дара. Отец Зои, император, привередничал слишком долго — и в конце концов выбрал зятя, в котором более всего нуждался: столичного префекта, самого могущественного военачальника державы. Отдал ему дочь, сделал его своим наследником — и почил в Боге, считая, что исполнил свой долг перед империей.

Но жених был еще старше невесты. Как они ни тщились, Бог не дал им детей. Зоя считала, что в этом виноват муж. Она завела молодого любовника, а своего супруга велела умертвить. Вышла за фаворита, который был тридцатью годами моложе. Но и новый обитатель царицыной опочивальни не оплодотворил Зоиною лона. День за днем я наблюдал картину, от которой хотелось перекреститься. Императрица молодела и свежела, а ее юный супруг, наоборот, терял красоту, жух и с неестественной

быстротой старился... Казалось, она сосет из него соки и всё не может ими насытиться. В конце концов император умер, едва достигнув тридцатилетия.

Нынешний базилевс Константин, храни его Господь, стал третьим супругом прекрасной Зои. К тому времени ей сравнялось уже шестьдесят четыре года, но она не оставляла надежды родить наследника. Разочаровавшись в мужской силе Константина, она стала менять любовников, но и от них не было проку. Тогда бедная грешница возмечтала о том, чтобы понести от Иисуса... Обычную женщину за столь

богохульственное устремление ждали бы суровые кары, однако кто бы посмел осудить императрицу? Зоя велела искуснейшим художникам изготовить икону Сына Божьего, разукрасила ее драгоценными камнями, умастила благовониями и лобызала образ, орошала его слезами, гладила... Думаю, что в последнюю пору жизни царица тронулась рассудком. По правде сказать, ее кончина для империи – большое облегчение. Но, как ты понимаешь, пресветлый принц, твоему великому родителю я этого говорить не стану...

Тонкий голос рассказчика был скорбен, но черные глаза посверкивали озорными искорками. Святослав же слушал, не тая улыбки. «Ай да епископ, – думал он. – Вот бы какого в митрополиты. А то посадит батюшка тоскливого схимника Иллариона – он заморит двор постами да молитвами».

– Не благословил, значит, Господь, старушкины чресла плодом? – засмеялся Святослав, радуясь, что можно шутить с архиереем. – По крайней мере, покойница обрела много приятности, стараюсь.

Но грек не поддержал игривости. Он вдруг вновь обратился из балагура в пастыря. Непрост был епископ, ох непрост.

– Позволь, принц, поведать тебе одну притчу, которая повествует об истинном и ложном плодстве, а также о кажущемся и подлинном неплодии.

Искорки в глазах погасли. Вместо них засиял ровный строгий пламень.

– В некое время жил великий властитель. Всем прещедро одарил его Господь – и силой, и славой, и богатством, а более всего повезло тому государю с мудрой и верной супругой. Однако не можно Всевышнему оставить ни единого из Своих рабов без испытания душевной крепости. Так же поступил Он и с этой августейшей парой. Всё им дал, но оставил без потомства. И сказала жена правителю через немалое время: «Если Господь чего-то лишает, то лишь для того, чтобы наградить лучшим. Раз нет у нас наследника природного, давай выберем в нашей державе достойнейшего из отроков, взрастим его, и будет он нам не хуже родного сына». Государь совета послушался. Кликнули клич по всему государству, чтобы везли во дворец самых сильных, умных, пригожих и добронравных мальчиков. Выбрали наипервейшего, нарекли принцем. Стал он расти – и делался всё лучше. Царственные родители, учителя, подданные глядели на чудесного отрока, не могли нарадоваться. Но нашептал Сатана царю ядоносное внушение: никогда-де чужая кровь не заменит родную, а что своих детей нет – в том вина жены, не мужа. «Возьми супругу новую,

молодую, и будет у тебя сын природный, не приемный». Послушался государь лукавого. Верную супругу от себя отлучил, отправил в монастырь. Сам же сыграл свадьбу с девицей юной, телом крепкой. И – не обманул Дьявол – в положенный срок принесла она здорового сына. Возликовал царь, объявил праздник на всю державу. Прежнего же наследника отправил на дальнюю границу, где тот зачах от болезни...

– Поди, отравили, – заметил Святослав, слушавший историю с интересом. Даже нравоучительные притчи у грека были не такие постные, как у пресвитера Иллариона.

– Очень возможно, – согласился Агафодор. – Многие искатели тщатся угадать тайные желания власти и подчас злодействуют по своему разумению в надежде на высочайшую благодарность... Но не о том сказ. Родной сын у государя вырос скверен. Алчен, порочен, жесток. Войдя в возраст, отца родного умертвил, сам на престол уселся, но править оказался не способен. Начался в стране голод, а после смута, и сгинула держава. Вот какую козню учинил злоковарный Сатана.

Князь немного подумал. Спросил:

– Эта притча – она к чему?

– К тому, пресветлый, что духовное первородство превышает телесного.

«Это он про то, что ромейская империя и без Зоиноного потомства не сгинет, – догадался Святослав, сделав благочестивую мину, под стать поучению. – Ишь, ловок языком кружева плести. Тонкоумен. Ну ничего. Поглядим, кто кого перекрутит. Я тебя, черноглазый, ныне вечером маленько помучаю, соли на подхвостницу посыплю...»

Вслух же сказал:

– Люб ты мне, мудрый отче. Вечером в твою честь устрою великий пир. Поглядишь, как в Вышгороде живут.

– У меня грамота к великому архонту от базилевса, – слегка нахмурился посол. – Когда я получу аудиенцию?

Князь свесился с седла, доверительно шепнул:

– Ты же не из-за грамоты приехал, верно? Я чай, хочешь с отцом по душам поговорить? А по душам на пиру, да под вино, оно лучше выйдет... Я друг тебе, потому и про пир надумал.

Повеселел грек.

– Ах, так вечером и государь пожалует? Это дело иное!

– Пожалует ли, нет ли, со всей верностью сказать не могу, – пожал плечами Святослав. – На всё его государева воля. Однако ж редко бывает, чтоб я устроил великий пир, а отец не пришел. Он веселье любит, а веселее моих пиров нет. – И подмигнул. – Потолкуете без церемоний, всё

обговорите. А парадная аудиенция обождет.

Посол так и просиял, даже растроганную слезу смахнул.

– Тебя, принц Никола, мне Господь послал!

Великий пир, в отличие от пира большого, который мог быть устроен в любом из десяти дворов и подворий огромной резиденции, всегда проходил в главной горнице главного терема, где могли рассестся за столами не только бояре, но и старшая дружина, а посередине еще оставалось место для «игрищ» и «позорищ», то есть представлений.

Хоть Святослав Ярославич и сделал вид, будто придумал затеять празднество в честь константинопольского гостя лишь у самых стен Вышгорода, на самом деле подготовка к хлопотному действу длилась уже четвертый день – с тех пор, как с днепровских порогов прискакал посольный, доложивший о появлении посольского корабля.

Высокое крыльцо покрыли зеленым сукном, по которому целый день вверх-вниз топала сотня воинов, чтоб ткань не выглядела слишком новой, прибитой специально для грека. В сенях закопченные стены закрыли красным шелком, которого понадобилось до тысячи локтей. Пиршественную залу всю обили парчой. Такого расточительства не могли бы себе позволить ни восточный император, ни западный. В Вышгород золототканые шпалеры доставили из киевского дворца; туда и увезут, когда посол отбудет восвояси.

Полы повсюду очистили от мусора, помыли, на видных местах покрыли коврами, а где не хватило – натерли воском до яркого блеска. Ходить по этой скользкости следовало умеючи, поэтому медведей-дружинников провели в горницу заранее, и некоторые с превеликим грохотом падали. Но когда пресветлый князь ввел ромейского гостя, все уже сидели за столами и делали вид, что давно пируют.

По обе стороны от пустого Ярославова кресла разместились «старые» бояре – думцы. Дальше – бояре «молодые». Потом «мужи» – военачальники и самые именитые дружинники: что ни воин – настоящий богатырь. Всего приглашенных было до двух сотен, а слуг – коморников, свечегасов, подавальщиков, виночерпиев – вдвое больше.

Под невысокими расписными сводами висели медные люстры-хоросы, в каждой по четыре дюжины толстых свечей. Столовое серебро – тяжелое, массивное, немецкой работы – переливалось отраженными огоньками.

– Садись, отче, у нас попросту, – показал князь на почетное место подле великокняжеского резного седалища. – Встают, только когда батюшка пожалует, а так всяк угощается, свободные речи ведет. Не то что у

вас, на кесаревых пирах.

Грек пострелял глазами туда-сюда: по лицам, по стенам, по пустой, устланной коврами площадке в центре горницы, по столам.

Угощения было немного: хлебы, корчаги с солью да кувшины с пивом. Это нарочно – чтобы дружинники раньше времени не намусорили, не испортили красоту. Пока все сидели чинно, щипали от караваев куски, обмакивали в солонки. Делали вид, что не очень-то и глазеют на византийского посла.

– Да, это мало похоже на пиры у базилевса, – снисходительно молвил Агафодор. – У нас сидят только патриции и вельможи, гости попроще стоят в нижней части залы. Много вина, разных кушаний. Ваша северная умеренность мне по сердцу, принц.

Тут Святослав подмигнул дворецкому, недвижно стоявшему у дальней двери. На безволосом желтом лице распорядителя чуть приподнялась левая бровь – черная, густая. Полные руки, сложенные на груди, остались без движения, сочные губы не дрогнули.

В тот же миг узорчатые двери распахнулись, и подавалы, все в одинаковых малиновых рубахах, стали вносить первую смену блюд: лебедей, гусей и тетерок, которые были ощипаны, запечены, а после вновь утыканы перьями, так что смотрелись, будто живые. По горнице распространился аромат имбиря и шафрана – пряностей, доставляемых из невозможно далеких стран.

Дворецкий опустил левую бровь, поднял правую.

Виночерпии понесли хмельное: на почетный стол – сладкие вина и двадцатилетние меды, дружинникам – меды попроще да пиво-олуй, но кувшины были точно такие же, серебряные. Посол осторожно пригубил из чаши, почмокал губами, облизнулся.

– Прекрасное кипрское, – сказал он. – Сколько же его выпьют эти здоровяки?

Святослав небрежно пожал плечами. Драгоценного кипрского вина, покупаемого за золото, в великокняжеских погребах осталось всего три бочонка, но послу о том знать было незачем. Пусть думает, что сим нектаром здесь поят всех, до последнего гостя.

– Не налегай на птицу, преосвященный, – добродушно посоветовал князь. – Не хватит желудка на главные блюда. Будет рыба, какой ты не видывал в Царьграде. Потом говядина со свининой. Телят и поросят для государева стола у нас холят больше, чем великокняжских сыновей. – Он засмеялся. – После подадут оленей и вепрей, лично добытых отцом. Не попробовать будет нельзя – обида. А к игрищам подадут сладкое с

наливками.

– Что за игрища? – спросил грек. – Музыка?

– Нет, повеселее. Но коли желаешь музыки...

Князь поднял указательный палец, понятливый дворецкий потер одну пухлую ладонь о другую – из сеней, уже на ходу ударяя в бубны, дудя в свирели и сопели, засеменили игрушки-музыканты. Песенники затянули старинную песню про вещего князя Олега, приколотившего свой щит на ворота Цареграда.

По лицу епископа скользнула тень. Святослав внутренне улыбнулся, подумал: «Прикидывается, что не знает по-нашему. Значит, верно в грамоте написано».

Опытный дворецкий увидел, что почетному гостю песня не нравится. Слегка качнул головой – и песенники умолкли. Теперь играли только гусельники со свирельщиками, мелодично и негромко, да чуть позвякивали бубенники с колокольниками.

– Мой любимый пляс. Старинный, варяжский. Пращуры плясали перед битвой. Эх, размять, что ли, кости, пока вином не упился?

Будто бы нехотя князь поднялся и вышел на середину. На самом-то деле всё было оговорено заранее, дворецкий уже нес меч со щитом. Самое время показать греку русскую удаль, а лучше Святослава танец с мечом не танцевал никто во всем Вышгороде.

Червлёный щит лег на пол. Музыка, поначалу медленная, заиграла быстрее, еще быстрее, еще. Ударили литавры.

С кажущейся легкостью, вроде бы едва двигая запястьем, князь рассекал воздух длинным клинком. Обнаженный меч выписывал замысловатые узоры. Ноги в зеленом сафьяне ловко переступали близ самой кромки щита, перепрыгивали через него – и ни разу не коснулись.

Дружинники стали колотить по столу чашами и черенками ножей в такт пляске. Святослав знал, что хорош, что им любуются – и смотрел только вверх, на сверкающий булат. Он мог танцевать так долго. Дыхание от пляски делалось глубоким, выравнивалось и больше не сбивалось. В том и заключался смысл древнего боевого упражнения.

Агафодор же, некоторое время понаблюдав за пляшущим князем, озабоченно покосился на пустое кресло во главе стола и перевел взгляд на распорядителя пира. Тот, казалось, смотрел только на Святослава, однако же немедленно повернулся к послу. На желтом лице появилось учтиво-вопросительное выражение – и стоило епископу чуть кивнуть, как дворецкий тронулся с места.

Плавнo приблизился, поклонился, спросил по-гречески:

– Что благоугодно твоему преосвященству?

– Я так и думал, что ты ромей, – ласково улыбнулся епископ. – Уверен также, что ты служил в знатном столичном доме. Может быть, даже при дворе. Чувствуется выучка наивысшего разряда.

– Ты угадал, господин. – Дворецкий поглядывал то на собеседника, то на увлеченного танцем князя. – Я познал тайны ремесла в Большом кесаревом дворце, где достиг должности младшего помощника главы ведомства приемов. Выше мне было не подняться из-за низменности моего происхождения. Поэтому, когда меня позвали в Киев на место главного дворецкого и посулили жалованье вчетверо выше прежнего, я согласился.

– Ты поступил разумно. К тому же ромей всегда останется ромеем, где бы он ни жил. Как твое имя?

– Здесь меня называют Кут, «черный кот». Это из-за цвета волос, редкого у русов. Крестильное мое имя Деметрос, но я за него не держусь. Оно ведь означает «Посвященный Деметре», богине плодородия, а я, как ты понимаешь, евнух. Иначе кто бы взял меня на службу в императорский дворец? Меня «обелили» в раннем детстве, я этого даже не помню.

– Мы с тобой братья по судьбе, – вздохнул Агафодор. – Но тебе повезло больше. Меня оскотили пятнадцатилетним, и тот день до сих пор иногда мне снится. Я просыпаюсь в слезах, с криком. Приходи ко мне исповедаться на родном языке, Деметрос. Я пробуду здесь какое-то время.

– Благодарю, твое преосвященство.

Кут поцеловал епископу руку.

– Скажи, как устроены такие пиры? Что будет дальше?

– Когда гости наедятся, напьются и станут шуметь, я подам знак вон тому тощему человеку. – Дворецкий двинул подбородком, показывая на дальнюю дверь. Там, странно раскорячась, стоял очень худой человек в разноцветной островерхой шапке. – Это Костей, старший над играцами. Он выпустит своих шутов, шутих, уродов, и они устроят представление.

– А великий архонт? Разве он не придет? – быстро спросил посол, видя, что танец заканчивается.

Но дворецкий уже спешил к своему господину – принять меч и забрать щит, так что вопрос остался без ответа.

Вернувшись, Святослав не подал виду, что заметил, как византиец шепчется с дворецким. Принял из рук посла чашу вина, с наслаждением выпил половину, а потом, как предписывал ромейский этикет, вернул угощающему – чтобы тот осушил кубок до дна.

– Удостоит ли нас посещением великий архонт? – спросил епископ, вытерев губы.

Князь понял: Кут ему ничего не сказал.

– А как же, обязательно. Уж и весточку прислал. Ты угощайся, отче. Эту белую рыбу ловят в дальних северных реках и привозят сюда живую в огромных корытах. Но сначала выпьем. Теперь моя очередь попотчевать тебя вином...

Однако великий князь Ярослав не появился и час спустя, когда подали сладкое и началось представление.

Сначала гостей потешил костлявый старшина шутов. Он ходил по

зале, и его длинные ноги сгибались в коленях то вперед, то назад, то вбок. От этого вся нелепая фигура Костея вихлялась и дергалась, а сам он корчил уморительные рожи: натягивал нижнюю губу на кончик хрящеватого носа, лизал длиннющим языком подбородок, вращал в разные стороны выпученными глазами. Зрители смеялись, хлопали в ладоши.

Потом, под всеобщий хохот, прошлись, взявшись за руки, человек-шар (низенький и неправдоподобно толстый) с человеком-оглоблей (этот был еще худее Костея и на две головы выше).

Дальше гурьбой выкатились карлики, горбуны, бородатая баба, семипалый мальчуган, девка с длинным, свернутым набок носом – множество самых разных уродов и уродцев, и всяк начал кривляться на свой лад.

Святослав горделиво покосился на посла: вон как у нас – богато.

Хороший выродок, на кого смешно поглядеть, стоил очень дорого. Таких выискивали по дальним краям особые торговцы, привозили к щедрым государям, требовали высокую плату. Чем больше потешных калек, тем пышнее двор. В Вышгороде на Убогом подворье проживало до тридцати уродов обоего пола.

Более всего зрителей распотешила одна горбунья. Ростом она была всего с полтора аршина, а горбов имела два: один сзади, другой спереди. Однако шустрая, ловкая. То мячом по полу прокатится, то товарку под зад лягнет, то вдруг затеет карлику волосья трепать. Он орет, слезы из глаз, а горбунья ему еще и по носу кулаком – красная юшка брызгами в стороны.

За прыть ушлой бабе кидали со столов куски медовых ковриг, маковых пирогов, заморского сахара. Она подпрыгивала, по-собачьи ухватывала объедки зубами на лету, пихала за пазуху – будто в горб прятала.

– Отвратительная тварь, – смеясь, сказал Агафодор. – Ну и морда! Такую безобразную можно бы и без горба показывать. Так что государь? Время к ночи...

Мельком поглядев на Кута, князь наклонил голову.

Дворецкий вдруг рявкнул зычным голосом – качнулись свечные огни:

– Государь великий князь Ярослав Владимирович!

Загрохотали скамьи. Все поднялись.

Прикусив губу, чтобы не расплзлась в улыбке, Святослав исподтишка наблюдал за Агафодором. Тот приосанился, расправил рясу, быстро потер посольскую цепь, чтобы ярче сияла. Лицу придал выражение величия и почтительности – непростое сочетание.

Чеканно ступая, в горницу вошел гигант, неся перед собой обнаженный меч. Это был отрок-меченоша. Неспешно обогнул длинный стол, поклонился пустому креслу, уложил меч поперек подлокотников. Еще раз нагнулся в торжественном поклоне. Повернулся и так же медленно вышел.

Все снова сели и как ни в чем не бывало продолжили трапезу. Шуты и шутихи, притихшие во время церемонии вноса меча, снова принялись дурачиться.

Стоять остался один Агафодор.

– А... а где архонт?

С серьезным видом Святослав развел руками.

– Видишь – меч прислал вместо себя. Это великая тебе честь как кесареву посланнику. Где меч великого князя – это все равно как если бы он сам пожаловал.

И тут все же не удержался, больно много было выпито вина – прыснул. Очень уж смешно захлопал грек глазами.

А Святослав вошел в кураж, ему хотелось еще поиграться с византийцем. Велел ведь отец сбить с посла спесь.

– Устал я, отче, на твоём языке говорить, – вдруг перешел князь на

русский. – Ты же по-нашему понимаешь, не таись. Знаем, что ты долго служил в Болгарии у тамошнего архиепископа.

Агафодор, еще не оправившийся от предыдущего потрясения, опять замигал.

– А коли так, ответь мне на еkkлeзиастический вопрос... – Святослав принял глубокомысленный вид. – Объясни, как это по-церковному, по-патриаршьи выходит, что у Болгарии, которая лишь одна из византийских провинций, есть право выбирать себе предстоятеля, а нам, Руси, которая никому не подвластна, вы того дозволить не желаете? Мы, однако ж, не болгары. Нас вы не завоевали и не завоюете.

Не готовый к такому разговору, грек почернел. А подвыпившего князя несло дальше.

– Думал я про притчу, которую ты мне давеча рассказал. О плодности и неплодии. И знаешь, что я тебе скажу? Такие сказки сочиняют лишь те, кто немощен и слаб. Чем еще вам, ромеям, остается тешиться кроме духовного оплодотворения, раз на обыкновенное, вот этакое, – Святослав сделал непристойный жест, – вы боле негодны по дряхлости. Ты, преосвященный, посмеивался над тцаниями престарелой Зои произвести потомство. Но не такова ли и вся ваша держава? Истинная сила, отче, в живородительности. У вас ее нет, а у нас есть. Мы кого хотим – берем, не спрашиваем. Поворачиваем, как нам охота, и оплодотворяем. Потому что ныне наше время, наша молодость, наша власть.

Князю нравилось, как он говорит – дерзко, веско, мощно. Нравилось, как ежится от этих слов посол. Святослав был в той поре опьянения, когда человек делается удалым и беззаботным, море по колено.

– Гляди сам. Разве есть сыновья у нынешнего базилевса? Одни только дочери. А у моего отца нас шестеро. У брата Владимира уже есть наследник, у брата Изяслава – двое. Я полгода как женился, будет сын и у меня. В этом суть. – Он снова сделал похабное движение рукой – приятно было соромничать при духовной особе. – Прочее же – дым и химеры. Кто может мир, как бабу, под себя подмять и семенем своим удобрить, тот и царь. А кто слаб, тот – пффф. – Князь издал губами неприятный звук.

Ждал, что грек выйдет из себя, раскипятится, замашет руками, возвысит свой тонкий голос – потеряет лицо перед боярами и дружиной. Епископ хоть зло посверкивал глазами и длинная белая борода скосилась на сторону, однако выдержки не терял. Ответил увещательно, добродушно:

– Так-то оно так, принц Никола. Сила молодости хороша, кто спорит. Однако недальновиден зодчий, кто возводит здание на одном лишь этом

непрочном фундаменте. Молодость скоро проходит – что у человека, что у державы. И кто не сумел от силы чресел возрасти к силе воли и духа, тот вскоре усохнет. Тому же, кто полагается не на животный пыл, а на мудрость и дух, суждено долгое процветание.

«Знать, мало я тебя разозлил, – подумал князь. – Надо подбавить».

– Тебе про дух виднее, преосвященный, – ухмыльнулся он. – Ибо силы чресляной у тебя, скопца, быть не может. Борода-то накладная скособочилась, поправить бы.

Глаза Агафодора гневно сузились, обожгли собеседника.

– Вот он, огонь греческий, – засмеялся Святослав. – Сейчас пламенем запольхают.

Но епископ вдруг присоединился к смеху – звонко, заливисто.

– Любуюсь я тобой, пресветлый княже, – сказал он, и огоньки загорелись ярче. – Молод ты, пригож, силен. А только сомнительно мне, так ли уж велика твоя мужская сила? Верно ль, что ты можешь кого угодно, любую женщину, подмять да оплодотворить?

– Могу, могу, не сомневайся, – ответил Святослав, не понимая, к чему клонит грек.

– Так-таки любую? Прости, не поверю.

Князю стало весело:

– Об заклад желаешь биться?

– Что ж, хоть азартное состязательство и грех, но не столь уж тяжкий... – Посол поднял руку. На пальце сверкал перстень с большим лалом. – Можно и об заклад. По-дружески, как условились. Если ты бабу, на какую укажу, взять сумеешь, не оплошаешь – кольцо твое будет. А устроишься, откажешься – тогда исполнишь любую мою просьбу, о чем бы я ни попросил. Поклянешься в том Именем Божиим и своей княжеской честью.

– Как это – «любую просьбу»? – удивился князь. – Мало ль, о чем ты попросишь?

– Чего тебе страшиться, такому лихому жеребцу? Неужто испугался? А как хвастал!

Агафодор был доволен – думал, что поймал. Не тут-то было.

– Давай свою бабу. – Святослав оскалился. – Любую. Хоть ведьму лесную, хоть русалу болотную. Был бы женский снаряд. Когда рядиться будем?

– Да прямо сейчас. Вон она, моя лошадка, на какую перстень ставлю. – Агафодор показал на жуткую горбунью – та стояла на четвереньках, грызла баранью кость, изображала собаку. – Одолеешь сию гидру?

Поглядел князь на уродку, только плечом дернул. Кольцо с лалом – пустяк, на что оно? А вот показать скопцу ромейскому, что такое настоящее мужество – это будет ладно. Горбунья так горбунья. Даже интересно.

Он поманил дворецкого.

– Как вон ту, горбатую, звать?

Кут подумал, ответил не сразу:

– Кажется, Кикиморой.

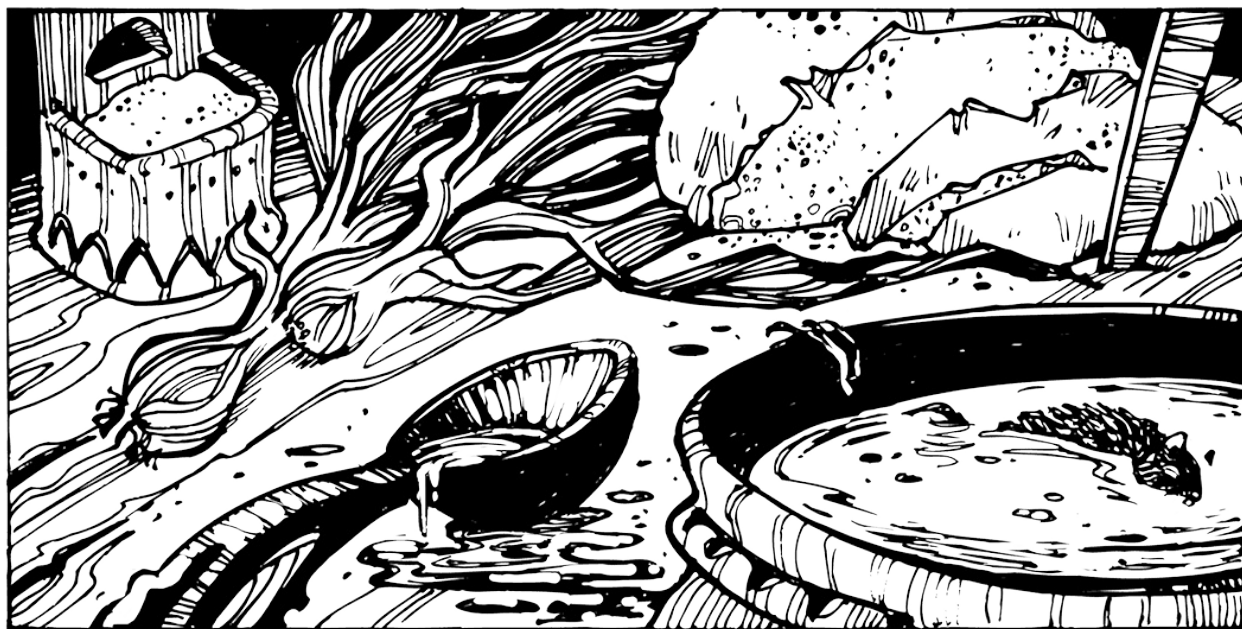
– Отведи-ка ее в шубную. Ждите там...

Святослав повернулся к послу, налил в чашу еще вина.

– Пойдем, преосвященный. Покажу тебе шубную камору, где у нас с зимы соболя-куницы хранятся. А заодно узришь, какова она – русская сила.

И подмигнул.

Ночью, неслышно семена через холодные сени в нужный чулан, Живка опять его видела. Егория Угриня.

Как в прежние разы, отрок просочился через стену и замер. Перед собою обеими руками держал голову. Была она страшна, но в то же время прекрасна. Цвет лица бело-матов, вежды скорбно сомкнуты, алый рот приоткрыт.

Живка так напугалась, что обмочилась под своей длинной рубашкой. Но крикнуть не крикнула. Не было у нее привычки кричать, даже когда было очень страшно или очень больно. Жизнь приучила всегда быть тихой. Когда тебя не слышно и не видно, целее будешь. Иногда мечталось о шапке-невидимке. Чтобы самой быть, но чтоб никто не знал, что ты есть.

Чего она так мертвого угрина боялась, она и сама не знала. Никогда он ей злого не делал, не то что живые люди. Покажется, да через короткое время растает. Молча.

К тому ж известно: не за ней он сюда, на Убогое подворье, является. Это сейчас оно убогое, для самых распоследних челядинцев великокняжеского обихода, потешных калек-игрецов, а в прошлые времена, при Владимире Красно Солнышко, здесь был важный терем и держали в нем с почетом, но под крепкой стражей мятежного княжича Святополка Владимировича. Давно это было, лет тридцать или, может, сорок назад, но

старые старушки помнят. Рассказывают, что молодой князь ласков был, речами тих, ступал по горницам мягко, будто кот. Умел всякому человеку в душу влезть. И окрутил своих тюремщиков, вышгородских бояр, склонил посулами и умильными словами на свою сторону.

Когда князь Владимир преставился, здешние бояре объявили Святополка великим князем, а его меньших братьев, Бориса и Глеба, злодейским образом умертвили. Егорий этот, отрок угорской крови, при Борисе служил и до последнего издыхания за своего господина бился. За это враги его мечами-копьями пронзили, а голову с плеч срезали уже мертвому, чтобы снять с шеи золотую гривну.

Вот зачем он, угрин, сюда ходит. Ищет Святополка, желает спросить: где, мол, брат твой, а мой господин? И невдомек бедному, что окаянного Святополка здесь давно нету, сгинул в бегах, в чужих краях, невесть где, а князь Борис погребен в вышгородском храме. Разве сыщешь, кого тебе надобно, если голова с плеч снята и очи затворены?

В этот раз Живка, хоть и в мокрой рубашке, хоть и трепетно, но все же успела шепнуть: «В Васильевскую церковь ступай. Борис ныне там!» Но Егорий Угрин растаял, и слышал ли, нет – Бог весть.

Идти в нужник теперь было незачем. Вместо этого побежала Живка в морозные сени, где бадья с водой. Разбила локтем ледок, замыла рубаху. Не то утром заметит Радуш, над служанками старшая, будет бранить, за волосы таскать, башкой об стену бить.

Дрожа от холода, бесшумно вернулась в большую ложницу, где спали все бабы, девки и девчонки Убогого подворья: кто постарее на печи, другие на сундуках и лавках, а некоторые так на полу.

Вдохнув густой от людского множества и печной топки воздух, Живка забралась на свое место – под лавкой, на которой лежала Кикимора. Мокрая рубаха липла к телу, мерещился безголовый отрок, да еще горбунья наверху всё ворочалась, скрипела, во сне постанывала. Поди-ка, усни. А еще так есть хочется...

Живку продали князьему тиуну позапрошлой осенью, когда девчонка подросла настолько, чтоб работать. Год был насытый, впереди сулилась тощая зима и страшная весна, которую то ли переживешь, то ли нет. Маманя, прощаясь навек, сказала: «Голодовать не будешь».

Голодать Живка не голодала, но и досыта не ела. Во всем огромном дворцовом хозяйстве, где по теремам, дворам, житницам, погребам, кухням, медушам, баням, прачешным, кузням, конюшням, скотням трудилась и кормилась тыща народу, ее место было из последних последнее: прислуживать уродам с Убогого подворья. Своей миски с

ложкой, и тех Живке не полагалось. Тут кусок кинут, там краюху подберет – тем и перебивалась. Но, конечно, всё равно сытней, чем в деревне. Еды кругом было много, если глядеть востро и страха не иметь – только тащи. Но Живке смелости не хватало. Да и мала еще была, девятый год всего.

Только-только стала засыпать, перед закрытыми глазами начали кружить предсонные видения – горбунья как вскрикнет. Что ж ей, злыдне, спокойно не лежится? И всё ворочается, ворочается. Сама тяжелая, грузная, будто кадушка. Ишь, разожралась. Раньше скамья под ее тушей так не провисала. Скрипит-скрипит, кряхтит-кряхтит, стонет-стонет. Десять раз за ночь разбудит. А попробуй-ка саму ее потревожь. Свесится – и кулаком. Кулак у горбуны каменный.

Злее Кикиморы не сыскать существа на всем свете. Нету в ней ничего человеческого. Люди – они злые, когда на то причина есть или какая выгода. Но Кикиморе ни причины, ни выгоды не нужно. Она пакости просто так творит, для удовольствия. Вот ведь создал Господь чудищу – что снаружи, что внутри.

Недавно показалось горбунье, будто Шика-кашераздатчик ей в миску мало хлёбова положил. Зашипела, заругалась, а ему, бедовому, хоть бы что. Не дал добавки. Кикимора губищами зашевелила, левый глаз сощурила, правый выпучила, лоб морщинами собрала. А посередь лба у ней черное пятно, круглое. Бабы шепчутся – это в нее дьявол-сатана своею черной слюной плюнул. Оттого горбунья и родилась из злыдней злыдня. Плевка этого дьяволова Живка больше всего боялась. А Шика на подворье новый был, не знал, что Кикимору страшиться надо.

Назавтра Костей, всему Убогому подворью начальник, из своей миски дохлую мышу зачерпнул. Ну и взъярился. Повалил Шик, да сапогами по ребрам, да плеткой, да кочергой. А Кикимора смеется, черное пятно на лбу так и прыгает. Она, ведьма, наворожила, не иначе.

Или вот еще рассказывали бабы, Живка подслушала. До Костя, печенег колченогого, которого наши когда в плен брали, то жилы подколенные урезали, был на подворье другой старшой – Зосем, знатный шутейник. Не любил он Кикимору, ругательски ругал, даже бил. И что же? Угорел в своей каморе. Отдушку в печи сажей забило, и угорел до смерти. Вон оно как, с Кикиморой враждовать. Уж Костей до чего грозен, а горбунью не трогает.

Мимо нее Живка всегда вьюном проскакивала. Чуть замешкаешь – ударит или ущипнет. Просто так, ни за что. Вчера вот бежала Живка в сени, пол мести, да в узком проходе, пробегая мимо Кикиморы, задела ее боком.

Не виновата была нисколько – горбунья сама брюхо такое наела, будто третий горб себе отрастила. И главное, зацепила-то совсем чуть-чуть. А Кикимора как заорет, словно режут ее. И кулаком по носу. Дальше Живка бежала, ловя ладонью кровавые капли. Не дай бог рубаху или напольные доски испачкать!

Горбунья с тяжким вздохом снова повернулась, свесилась безвольно упавшая рука. Короткие сильные пальцы то сжимались, то разжимались, будто ведьма и во сне желала схватить кого-то и терзать, мучить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.